9. *Hahn R. Quelques nouveaux documents sur Jean-Sylvain Bailly // Revue d'histoire des sciences et de leurs applications. T. VIII, № 4, octobre-décembre 1955.*

Juma Orazklychev,

*Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Turkmenistan
(Ashgabat, Turkmenistan), juma.orazklychev@mail.ru*

Jean-Sylvain Bailly: «I know, sooner or later, you will be fair to me»

The French politician Jean-Sylvain Bailly (1736–1793) became famous not only as the first president of the Constituent Assembly and mayor of Paris. He was an astronomer whose depth of research extended over millions of light-years in astronomy and thousands in history. Two and a half centuries ago, Bailly proposed a hypothesis about the origin of astronomy in Central Asia. Then he did not find like-minded people, but now historians begin to confirm the astronomer's correctness.

Keywords: Jean Sylvain Bailly; astronomical knowledge; historical and cultural heritage; history of science.

НАСЛЕДИЕ

Имре Пачаи

Восточные мотивы русских волшебных сказок

Исследование фольклора — важная задача культурологии, антропологии, лингвистики, истории. Вслед за Н.С. Трубецким изучая культурные традиции «русской культурной зоны», можно проследить восточные мотивы в русских сказках, названных Е.М. Мелетским «мифологическими сказками». Этот жанр фольклора хранит архаичные элементы верований и обычаев, важную информацию о нематериальном культурном наследии. В ходе нашего исследования русских волшебных сказок было установлено, что ряд из них может служить источником по обычному праву и героическому эпосу алтайцев и тюрков, а также верованиям урало-алтайского шаманизма. Разрозненные восточные мотивы свидетельствуют о контактах русских с многими другими народами.

Ключевые слова: русские сказки, фольклор, восточные мотивы, верования, обычаи, урало-алтайский шаманизм, культурные контакты, «русская культурная зона», нематериальное наследие.

Имре Пачаи,

*филолог, специалист
по компаративистской
и социолингвистике, доктор
хабилитат, профессор
(Ньиредьхаза, Венгрия),
drpacsai@gmail.com*

В нашей работе рассматриваются восточные мотивы, обнаруженные в русских волшебных сказках. Изучение русских народных сказок было мотивировано выводами В.В. Стасова (1868) и теорией Н.С. Трубецкого (1927) [27] о восточном характере русской народной культуры. По мнению В.Я. Проппа [21], изучение фольклора является важной задачей гуманитарных наук, что подтверждает актуальность нашего исследования: «В наше время проблемы фольклора становятся все более актуальными. Ни одна гуманитарная наука — ни этнография, ни история, ни лингвистика, ни история литературы не могут обо-

даться без фольклорных материалов и изысканий» [21, с. 16].

В.И. Чичеров [30] указал на то, что проблему восточных мотивов в русском фольклоре рассматривал Владимир Васильевич Стасов, опубликовавший в журнале «Вестник Европы» серию статей «Про-исхождение русских былин» (1868), сославшись на их персидские корни. Славянофилы остро критиковали теорию Стасова, при этом виднейшие русские ученые Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер, современники В.В. Стасова, в основном приняли выводы о восточных корнях русского фольклора [30, с. 82].

Н.С. Трубецкой в своей работе «Верхи и низы русской культуры» [27] установил специфический культурный регион, назвав его русской культурной зоной. По его мнению, данная зона имеет более сильные контакты с Востоком, чем с западнославянским культурным регионом.

При изучении русских волшебных сказок мы сталкивались с термином «мифологические сказки» в книге «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинского [15]. Этот термин указывает на то, что в волшебных сказках сохранились следы древних верований, мифов и обычаев. В этом мы могли убедиться при изучении русских волшебных сказок, так как в них обнаружили мотивы обычного права народов алтайской языковой семьи, например, минората, элементы алтайского героического эпоса и шаманских верований.

Выводы Н.С. Трубецкого о восточном характере русской народной культуры чрезвычайно важны с точки зрения укоренения заимствованных ориентальных мотивов. Ментальность в основном определила функционирование культурного фильтра. Волшебные сказки передавались из уст в уста, так как письменность была привилегией церкви. В.И. Чичеров

(1959) полагал, что церковью волшебные сказки не одобрялись, ведь в них говорится о браке человека с животными, о ведьмах, чудовищах, волшебниках, обладающих сверхчеловеческими способностями.

Минорат в русских волшебных сказках

Типичный герой русских народных сказок — младший сын, униженный и угнетенный старшими братьями, который одерживает победу. О типичности образа младшего сына в русских сказках говорится в работах Е.М. Мелетинского «Герой волшебной сказки» [14] и «Онтология сказки» О.И. Уляшева и И.И. Уляшева [29].

Например, в популярной сказке «Сивка-бурка» главный герой, побеждающий на скачках, — младший сын Иван-дурак, а не жестокие старшие братья. Мотив победы младшего сына типичен как для алтайских, тюркских, монгольских, так и для венгерских волшебных сказок. Казахские сказки «Три брата» и «Ер-Тостик» [11–12], узбекская «Завещание отца» [28], бурятские сказки «Хулмаадай мерген» [7], «Сыновья Хулмаада» [6] и венгерская волшебная сказка «Férfi Namurpörke» («Парень-Золушка») сюжетно соответствуют русской сказке «Сивка-бурка». В башкирских сказках «Тан-батыр», «Кыран-батыр», «Искатели лекарства» [3–4], в туркменской сказке «Три сына падишаха» [19] повествуется о том, как старшие братья строили козни против успешного младшего брата.

Нередко образ младшего сына получает интересную трактовку с точки зрения феномена минората. В работах Е.В. Баранниковой [2] и С.А. Каскабасова [12] говорится о минорате в бурятских и казахских волшебных сказках. Авторы подчеркивают, что младший сын в кочевой культуре всегда находился на особом положении — пользовался привилегией.

Он не только обладатель имущественного наследства, но и преемник родового семейного очага, хранитель родовых традиций. Это своего рода идеальный герой.

В венгерском этнографическом исследовании «Magyar néprajz – Népköltészet» («Венгерская этнография – Венгерское народное творчество») [39] также говорится о том, что в венгерской традиции волшебных сказок, в отличие от соседних европейских сказочных традиций, образ младшего сына занимает центральное место. Это связано с пережитками элемента древнего обычного права – минората, глубоко укоренившегося в венгерском народном сознании.

Н.С. Трубецкой писал, что если верхи русского общества слабо усваивали европейское правосознание, то народ не усваивал его вовсе. Выводы Трубецкого подтверждают русские пословицы, зафиксированные В.И. Далем: «Меньшой сын на корню сидит (в крестьянстве – наследует домом)»; «Меньшому сыну отцовский двор, старшему – новоселье (по смерти отца; это в крестьянстве обычай)» [18]. В них говорится об укоренении традиций минората, тюркско-алтайского обычного права в традициях русского крестьянства.

В первом венгерском юридическом кодексе «Tripartitum», датированном 1517 г. [43], минорат стал кодифицированным законом. В артикуле закона говорится о правах младшего сына – преемника отцовского дома: «*Domus autem paterna filio juniori deputatur ad residendum a habitandum*» (младший сын наследует отцовский дом, который будет его жилищем и очагом).

Содержание русских пословиц и венгерского закона отражают типичность минората, общность характера правосознания, который противоречит традициям первородства, зафиксированным в Ветхом Завете.

По мнению С. А. Каскабасова [12], в сказке «Сивка-бурка», в монгольских, алтайских, тюркских

и венгерском вариантах можно проследить также элементы культа умерших предков. Так, с культом предков связан мотив подаренных коней умершим отцом. «Дары отца сыну – это благословение предка, благодаря которому герой сказки достигает цели» [12, с. 105]. В ряде казахских сказок герои совершают поминки по умершим, неуклонно соблюдают заветы предков в соответствии с казахской пословицей «Пока не удовлетворится мертвый, живой не богатеет» [12, с. 165].

О культе предков говорит киргизский оборот «*жетти ата*» – предки (букв.: «семь отцов», «семь поколений») [13]. В традиционной культуре каждый взрослый киргиз должен был знать семь своих предков по мужской линии. Выражение «*жетти атасын билбеген*» означает «не знающий родства, безродный». Такого человека презрительно называли «кул» – «раб». Этот человек относился к низам общества, не мог жениться на девушке из благородной семьи.

В русской сказке «Сивка-бурка» мы обнаружили другой восточный мотив – «убегание жениха». Иван-дурак после победы не является к царю, а в грязной одежде садится на печь за трубу. Этот мотив наблюдается и в казахской сказке «Три брата», в узбекской сказке «Завещание отца», в бурятской сказке «Хулмаадаай мерген», в венгерской сказке «*Férfihamupirók*» («Парень-Золушка»). Заслуживает внимания тождество основных элементов сюжета в венгерских сказках, так как венгерский фольклор не имел непосредственной связи с русским фольклором, о чем говорится в работах Й. Поливки (1932), К. Хоралека (1962) и Р. Якобсона (1982) [36; 40]. Сходные мотивы в венгерской сказке, особенно мотив «убегания жениха» отражают тюркское влияние, так как многие венгерские волшебные сказки свидетельствуют о контактах с тюрками.

Ареальный признак данного мотива подтверждается тем, что он органически не связан с важными мотивами сюжета. Убегание главного героя после победы непонятно, так как он сам принял решение участвовать в скачках, одержать победу, в том числе с использованием разных коней. Этот мотив редко встречается в волшебных сказках мира и наблюдается в первую очередь в этом типе волшебных сказок. По мнению С.А. Каскабасова, это нелогичное поведение героя-победителя в сказках связано с казахскими традициями избегания. Жених до свадьбы мог тайно посещать невесту, при этом он не должен был показываться родителям невесты. После свадьбы некоторое время зять старался не входить в юрту, где находился тесть [12, с. 149].

Таким образом, обзор элементов кочевой культуры (минорат, культ предков, мотив убегания жениха) указывает на восточное влияние в русской волшебной сказке «Сивка-бурка».

По следам богатырских эпосов

В волшебных сказках «Сивка-бурка», «Марья Моревна», «Солдатские сыны (Иван и Роман)» наблюдаются мотивы богатырских эпосов, описанных А.С. Мирбадалевой в книге «Башкирский народный эпос» [16]. Она указывает на неразрывную связь образов батыра и богатырского коня, все подвиги они совершают вместе. Добрый конь, умеющий говорить, становится верным помощником и товарищем молодого богатыря. Образы волшебного коня-помощника типичны для алтайских, монгольских, тюркских и венгерских сказок. В эпосе обязательно упоминаются кличка и масть богатырского коня главного героя. В башкирском эпосе «Урал-батыр» кличка Акбузат обозначает

светло-серую масть коня; в бурятской сказке и в романе Чингиза Айтматова «Прощай, Гүльсары» клички Алтан Шарга и Гүльсары указывают на золотисто-желтую масть коня. Клички волшебных коней русских сказок «Сивка-Бурка» и «Бурко, Коурко и Вещий Воронко» связаны с мастью коней, что говорит о традициях героических эпосов.

Эта традиция наблюдается и в венгерском фольклоре, так как в легенде о короле Ладиславе святому упоминается о коне Szög, что обозначает рыжую масть коня. В исторической песне XVIII в. упомянут пегий конь Мурз венгерского полководца; в поэме, посвященной Миклошу Толди, народному герою Венгрии, упомянут черный конь по кличке Риго (Дрозд).

В венгерских сказках судьба героя тоже связана с его говорящим богатырским конем, который защищает и спасает своего хозяина. Эти способности, свойственные коню богатыря в русской, алтайской, тюркской, монгольской и венгерской традициях, чужды западному фольклору.

Русская пословица из сборника В.И. Даля «Лошадь — крылья человека» [18] и ее тюркские эквиваленты отражают менталитет степного кочевника: «Аты барын канаты бар» — «У кого есть лошадь, у того есть крылья» (татарская пословица); «Аты барын ганаты бар» — «У кого конь, у того и крылья» (туркменская пословица); «Аты барын, ганаты бар» — «У кого конь, у того и крылья» (узбекская пословица); «Ар сукаче — ут» — «Крылья мужчины — конь» (чувакская пословица); «Ат — эрдын канаты» — «Конь — крылья молодца» (киргизская пословица). В башкирской пословице «Алпарына күре толпары» — «Смелому воину под стать крылатый конь» выражается стихия степных кочевников.

Следы языческих верований, шаманизма и тотемизма в русских волшебных сказках

В русских волшебных сказках наблюдаются следы тотемизма, что отражается в именах главных героев сказок (Иванко-Медведко, Иван Быкович, Иван — коровий сын, Иван — кобылий сын), говорящих о происхождении героя от животного. Данный мотив в чешских, польских и словацких волшебных сказках не встречается, что доказывает утверждение К. Хоралека [36] о расхождении между русскими и западнославянскими фольклорными традициями.

Проблема тотемизма — одна из важнейших при исследовании прарелигии человека. В основе тотемических верований лежит представление о тождестве тотемного животного и человека. Имена сказочных героев отражают верования о кровном родстве человека с животными предками. Это бурятские Буха-нойон (Бык-повелитель), Бабаган хубун (Медвежий сын), Шоно (Волк), башкирские Акъял-батыр (Богатырь, рожденный с белой гривой), Бузансы-батыр (Богатырь, сын кобылы), Аюголак (Медвежье ухо), казахские Ер-Тостик (Парень — конская грудинка), Аю бала (Дитя медведя), узбекские Аикпалван (Медведь-богатырь) и венгерские Fehérlófia (Сын белой кобылы), Tehéntől lett gyermek (Парень, рожденный от коровы), Medve Jankó (Иван-Медведь), Juhfi Jankó (Иван — овечий сын).

Мотив чудесного рождения от брачной связи женщины с медведем наблюдается в русской, алтайской, венгерской сказочной традиции. Заслуживает пристального внимания тождество имен — Иван Медвежье ушко (рус.), Аюголак — Медвежье ухо (башкир.), Аюқулак — Медвежье ухо (каз.). Имена героев Иванко-Медведко (рус.), Аикпалван — Медведь-богатырь (узб.), Бабаган хубун — Медвежий сын (бурят.), Medve Jankó —

Иван-медведь (венг.) отражают происхождение героя от отца-медведя.

С.А. Каскабасов [12] тщательно рассматривает мотив брака женщины с медведем. По его мнению, эти сказки отражают древнее верование в то, что сила медведя-тотема переходит в его сына. Е.В. Баранникова [2, с. 75–78] указывает, что культ медведя типичен для всего коренного населения Сибири, особенно приверженцев шаманизма. В бурятских волшебных сказках чудесное рождение героя от кобылы и коровы — еще один типичный мотив [2]. Аналогичный мотив встречается в сказках «Иван Быкович», «Иван — коровий сын», «Иван — кобылий сын» (рус.), «Tehéntől lett gyermek» («Парень, рожденный от коровы»), «Fehérlófia» («Сын белой кобылы») (венг.), «Бузансы-батыр» («Богатырь, сын кобылы») (башк.). Имя героя казахской сказки Ер-Тостик тоже отражает мотив тотемизма, так как мать родила Тостика, съев конскую грудинку.

В русских сказках «Марья Моревна» и «Сивка-бурка» наблюдаются важные мотивы шаманского обряда. Мотив расчленения побежденного Ивана-царевича Кощеем соответствует символическому расчленению тела будущего шамана под воздействием веществ, изменяющих сознание. Этот обряд связан с представлениями о преобразовании личности будущего шамана. Этот мотив использован в венгерских сказках «Vitéz János és Hollófernyiges» («Янош богатырь и чудовище Холлофернигеш») и «Égigérő fa» («Дерево до небес»), в которых друзья убитого и расчлененного главного героя воскрешают с помощью волшебных предметов.

В венгерском фольклоре герой-шаман и конь-шаман совместно совершают чудесные поступки [39, с. 225]. Заслуживает пристального внимания, что в венгерском языке слово *táltos* (талтош) обладает значениями: 1) жрец, шаман; 2) волшебный конь.

В русских сказках «Сивка-бурка» и «Марья Моревна» меняются и личность героев, и способности волшебного коня. В венгерских сказках человек-талтош в начале повествования не обладает свойствами будущего положительного героя: это ленивый бездельник, меланхолический и молчаливый. Сходные черты наблюдаем поначалу и у главного героя сказки «Сивка-Бурка»: «Иван-дурак ничего не делал, только на печи в углу сидел, да сморкался» [24, с. 141]. Будущий богатырский конь валяется, как паршивый жеребенок на гумне, в нем нельзя заподозрить сверхъестественные способности. Этот мотив наблюдается в русской сказке «Марья Моревна» и в венгерских сказках «Az égigérő fa», «Vitéz János és Hollófernyiges» со сходным сюжетом. Обретение быстрого волшебного коня — основная задача героя, только волшебный конь может помочь герою освободить похищенную красавицу из лап чудовища. Например, герой три дня выполняет трудные задания Бабы-яги, получает в награду паршивого жеребенка, который и становится волшебным конем.

По мнению венгерского этнографа Вилмоша Диосеги, в сказочных сюжетах, связанных с образом талтоша (человека и коня), отразились шаманские поверья IX в.

В русской сказке «Сивка-бурка» обнаруживаются обрядовые мотивы южносибирских тюркоязычных шаманов, описанные К. Радловым (1868). Шаман прыгает три раза подряд к вершине ветвистого дерева (палаточный колод) на шаманской палке с наконечником, изображающим конскую голову. Прыжки символизируют путешествие шамана к верхушке древа жизни, где живет бог Верхнего Мира Бай Улген. Палка с деревянной конской головой символизирует волшебного коня, на котором герой может лететь в небеса.

Мотив «избушки на курьих ножках»

В русских волшебных сказках нередко встречаются «избушки на курьих ножках». Частота и типичность данного мотива подтверждается материалами сборника «Русские волшебные сказки Сибири» [22], сказками «О Иване-царевиче и Русой косе», «Орел помощник», «Копылок», широко известным оборотом «Избушка, избушка на курьих ножках, повернись к лесу задом, ко мне передом», зафиксированным В.И. Далем [18]. Венгерские этнографы и фольклористы также зафиксировали типичный мотив избушки на птичьих ножках, которая вертится в подземном царстве. По выводам Шандора Шоймоши (Solymossy Sándor) этот мотив, который вошел и в русский фольклор, восходит к урало-алтайским шаманским верованиям. Венгерский этнограф сделал свои выводы при изучении элементов прарелигии венгерского народа. Оборот «kacsalábon forgó kastély» («замок, вертящийся на утиных ножках») вошел в венгерскую фразеологию, он означает «модное, роскошное здание богатого человека».

Образ мироздания

В русской сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» обнаруживаются представления о трехчленном характере мироздания, свойственные шаманизму. Герой спускается в подземное царство, где он находит три царства — медное, серебряное и золотое. Цвет металла символизирует звезды, Луну и Солнце; символика соответствий металлов, цветов, дней недели и планет широко распространена на Востоке. Похищенные девушки, живущие в замках, символизируют планеты, которых герой-шаман освобождает из рабства темных сил.

В сказке «Иван Соснович» изображено древо жизни с гнездом птицы-великана со своими птенцами. Герой

спасает птенцов птицы-великана, и птица взлетает с героем в Верхний мир. Эпизод с птицей-великаном в подземном царстве и путешествие на птице, по выводам И. Стеблевой [26] типичен для тюркских волшебных сказок. В тюркских сказках птица называется Симург (Замыр, Семере). Этот мотив связан с иранским мифом о древе жизни и с легендой о волшебной птице Симург—древнеперсидском тотеме. Симург встречается в поэме Фирдоуси «Шах-наме». Волшебная птица-гриф встречается в венгерской сказке «Fejérlófia» («Сын белой кобылы»). Мотив грифа — типичный орнамент ювелирного искусства, он распространен на амулетах. Птицы-великаны встречаются и в бурятских, и в тувинских, и в казахских сказках.

Мы надеемся, что удалось представить некоторые восточные мотивы русских волшебных сказок, отражающие культурные контакты изучаемого региона. Данные мотивы переплетаются и образуют многоцветную ткань фольклорного наследия. Важным ориентиром нашего исследования служила «Лингвокультурология» профессора В.В. Воробьева, подчеркивающая диалектическую связь между культурой и языком [9].

Литература:

1. Аникин Н. Русская народная сказка. М.: Художественная литература, 1984. 176 с.
2. Баранникова Е.В. Бурятские волшебнo-фантастические сказки / отв. ред. И.А. Ким; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. ин-т обществ. наук. Новосибирск: Наука, 1978. 252 с.
3. Башкирский народный эпос / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Башк. фил.; сост. А.С. Мирбадалева. М.: Главная ред. восточной лит., 1977. 517 с.
4. Башкирское народное творчество. Богатырские сказки. / Сост. Н.Т. Зарипов. Вступ. ст., коммент. Л.Г. Барага и Н.Т. Зарипова. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1988. 448 с.
5. Бикбулатов Н.В. Отражение минората и майората в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 52-62.
6. Бурятские народные сказки / Авт.-сост. Д.С. Дугаров М.: Современник, 1990. 384 с.
7. Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973. 171 с.
8. Былины (сборник). М.: Детская литература, 1969. 671 с.
9. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
10. Иванова Т.Г. (ред.) Русские народные сказители. М.: Правда, 1989. 464 с.
11. Казахские народные сказки. Алма-Ата: Художественная литература, 1959. 352 с.
12. Каскабасов С.А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата: Наука, 1972. 260 с.
13. Киргизские народные сказки. Фрунзе: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1962. 356 с.
14. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Вост. лит., 1958. 415 с.
15. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
16. Мирбадалева А.С. Башкирский народный эпос // Башкирский народный эпос. М.: Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 8-51.
17. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. / Подг. текста, предисл. и прим. В.Я. Проппа. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. 516 с.
18. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2 т. М.: Художественная литература, 1984.
19. Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сказки и мифы народов Востока М.: Наука, 1969. 399 с.
20. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 168 с.
21. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / Под ред. Б.Н. Путилова. М.: Наука, 1976. 328 с.
22. Русские волшебные сказки Сибири / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук; [Сост., вступ. ст. и комм. Р.П. Матвеевой]. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 333 с.
23. Русские народные песни, собранные писателями. М., 1974. 396 с.
24. Русские народные сказители. М.: Правда, 1989. 464 с.
25. Собрание народных песен П.В. Киреевского. В 2 кн. Л.: Наука, 1983.
26. Стеблева И. Туркменская сказка // Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сказки и мифы народов Востока М.: Наука, 1969. С. 5-19.
27. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. Фил. 1991. № 1. С. 87-98.
28. Узбекские народные сказки. Ташкент: Госполитиздат, 1955. 512 с.
29. Уляшев О.И., Уляшев И.И. Онтология сказки: учебн. пособие. Сыктывкар, 1997. 78 с.
30. Чичеров В.И. Русское народное творчество. М.: Из-во МГУ, 1959. 524 с.
31. Arany László: Magyar népmesék. Budapest, Móra Ferenc Könyvkiadó, 1979.
32. Benedek Elek. Világszép Nádszál Kísasszony és más mesék Bp.-Uzsgorod. 1976.
33. Berze Nagy, János. Magyar népmesetípusok I-II. Pécs, 1957. (Типы венгерских народных сказок).
34. Holmberg U. Der Baum des Lebens Helsingfors, 1922.

35. *Hoppál, Mihály Sámánok.* Lelkek és jelképek. Helikon Kiadó, 1994. (Шаманы, души, символы)
36. *Horálek, K.* Studie o slovanské lidové poezii. Praha. 1962.
37. *Illyés Gyula.* Hetvenhét magyar népmese Bp. 1974.
38. *Kríza János.* Csókalányok Budapest, Móra Ferenc Könyvkiadó, 1972
39. *Magyar Néprajz.* V Népköltészet Akadémia Kiadó Bp. 1988. (Венгерская этнография, Венгерский фольклор)
40. *Polívka, J.* Slovanské pohádky (Vychodoslovanské pohádky), Orbis. V Praze 1932
41. *Solymossy, Sándor.* Magyar ősvallási elemek népmeséinkben (Kacsalábon forgó várak) Ethn. XL. 133-152)
42. *Tagányi Károly.* A hazai élő jogszokások gyűjtéséről. Budapest, 1919 (О живых элементах обычного права венгерского народа)
43. *Werbőczy István.* Tripartitum (Hármaskönyv). Budapest, 1990. (Первый венгерский юридический кодекс, вышедший в 1517 г. / Оригинальный латинский текст и перевод)

Imre Pacsai,

Philologist, Specialist in comparative and sociolinguistics, Doctor Habilitat, Professor (Nyíredyazaza, Hungary), drpacsai@gmail.com

Oriental motifs in Russian fairy tales

The study of folklore is an important task of cultural studies, anthropology, linguistics, and history. After N.S. Trubetskoy, studying the cultural traditions of the «Russian cultural zone», one can trace oriental motifs in Russian fairy tales named by E.M. Meletsky «mythological tales». This genre of folklore preserves archaic elements of beliefs and customs, as well as important information about intangible cultural heritage. While researching Russian fairy tales, it was found that a number of them can serve as a source for the customary law and the heroic epic of the Altaians and Turks, as well as the beliefs of Ural-Altai shamanism. Scattered eastern motifs indicate Russian contacts with many other peoples.

Keywords: Russian fairy tales; folklore; oriental motifs; beliefs; customs; Ural-Altai shamanism; cultural contacts; «Russian cultural zone»; intangible heritage.

Зиля Рахматуллина
Социокультурный и антропологический аспект подвига в картине мира башкир

Автор рассматривает концепты подвига и родной земли в традиционной картине мира башкир. В башкирской культуре концепт подвига обладает особенной значимостью: подвиг выступает одним из механизмов регуляции общества, а на индивидуально-психологическом уровне определяет готовность личности к поступку. В основе подвига лежит представление об идеальном, находящее отражение в мифопоэтических, литературных произведениях, органически соединивших в себе историческую память и духовный опыт народа. Устойчивость мифологического сознания позволяет сакрализировать героическое историческое прошлое народа, передавая память о нем из поколения в поколение, перенося ее в сферу повседневной жизни.

Ключевые слова: картина мира; подвиг; нравственные ценности; башкиры; самоотверженность; жертвенность; родина; нематериальное наследие.

«Подвиг — это нравственно и ценностно ориентированная форма поведения, действия или совокупности действий человека или группы людей, направленных на достижение сверхличностной значимой цели и требующих предельного напряжения воли и сил, преодоления серьезных препятствий внешнего и внутреннего характера», — отмечает одна из исследовательниц данного феномена А.В. Трофимова [2, с. 32]. Можно сказать, что любой подвиг как идея существует до своего свершения. Одна из важных сфер его проявления — повседневное бытие, где данная категория выступает как определенная жизненная установка, модель жизни или жизненная стратегия активного отношения

Рахматуллина
Зиля Нурмухаметовна,

кандидат философских наук, докторант ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Уфа), zilrah@yandex.ru